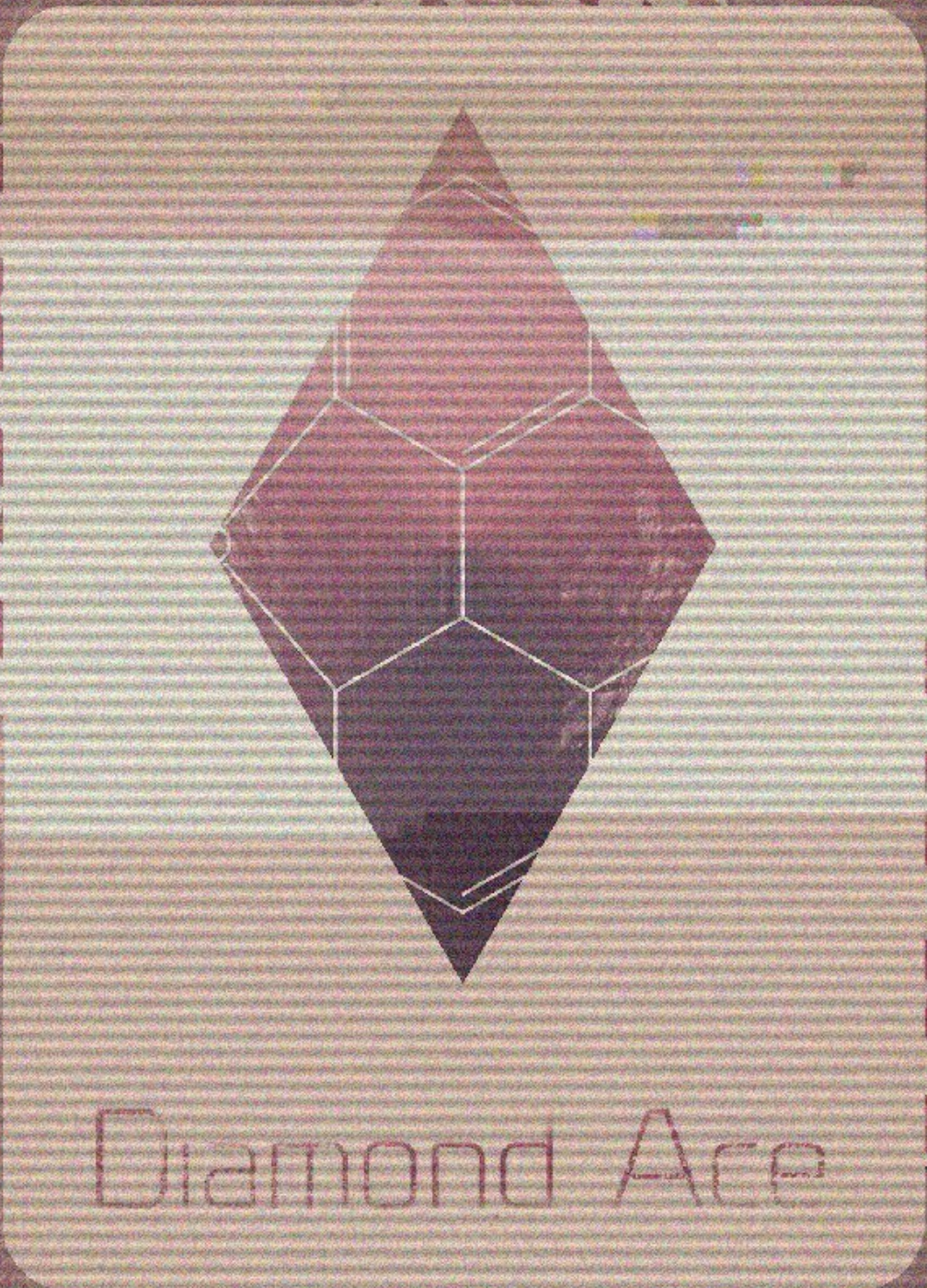

A

Diamond Ace

I said it must be the drugs

Diamond Ace
Тяжёлый дождь

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Асе D.

Тяжёлый дождь / D. Асе — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Главного героя зовут Сэт. Или Тайлер. Или Марвин. Это не имеет значения, поскольку он работает в фирме "Семья напрокат". Сэт становится братом, Марвин - отцом, Тайлер - сыном больной и несчастной Дороти Бальмонт. В мире одиноких людей происходит то, чего все ждали - корпорация "Лэнгот", благодаря доктору Маккалебу, стирает любые воспоминания, делая людей счастливыми. Больше никто не страдает. Вот только Дэл Симмонс нашёл иное применение "Лэнготу". Он обращается к Сэту с предложением стать любовником Каталины - собственной сестры, которая никак не может оправиться после смерти родителей. А вы бы стёрли воспоминания, если бы представилась такая возможность?

© Асе D., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Пролог

В каждом городе есть человек, который становится предметом обсуждения нарков и копов, старушек, несколько веков назад усадивших свои задницы на раскладные стулья возле дома миссис Бальмонт, детей, стреляющих вопросами в Миссис Мам и Мистеров Пап о том, кто же такой Дэл Симмонс.

Сейчас-то я знаю, что он из себя представляет. Да и все наслышаны о несчастной сестре Дэла. Её фотография украшала передовицы дюжины печатных изданий.

Сорочка психиатрической лечебницы.

Измазанное сажей лицо.

"Семейное фото". Заголовок странным не кажется? Как по мне, довольно жуткий хэдлайн.

Сегодня – очередная пятница. В методистской церкви раздают наркотики. Добрый пастор Трой собирает всех страждущих и нуждающихся, запирает двери и проповедует, пока "прихожане" благоденствуют на приходах. Зависимые девочки обладают особым шармом. Видели, сколько желания в их глазах? Зеркало души становится окном порока, когда дело касается очередной дозы или секса в исповедальне. В замкнутом пространстве все жидкости создают тошнотворную композицию. Резкий запах пота, секретий и засаленных волос.

Коитус больше похож на изнасилование резиновой куклы. Разница лишь в том, что девушку не "проколешь". Хотя ты чувствуешь, как партнёрша сдувается на тебе. Пастор – не меценат, он не станет ради отбросов закупаться отличным героином. Ханка – всегда пожалуйста.

Разница в приходе.

Несколько секунд – для мусора.

Две-три минуты – для ханки.

Особо стеснительные, если их можно так назвать, как раз и заходят в исповедальню, чтобы вмазаться незаметно. Несостоявшиеся эксгибиционистки, заглянувшие в церковь со своими шприцами и ложками – наборами юных джанки. В экстазе они готовы на многое. Дело не только в неспособности сопротивляться. Но и в желании получить всё и сразу.

Долгожданный кайф. Стремление увековечить праздник самой жизни.

Несколько минут на поршне незнакомца, сатурналии в божьей землянке.

Никто и ничто не сделает тебя настолько счастливым, как оргазм на отходнях.

Секс – лучшее изобретение со времен Большого Взрыва.

Или Creatio ex Nihilo – "сотворения из ничего".

Ты готов молиться на свои гениталии, полировать их салфетками для интимной гигиены. Выбираешь себе лучших представителей расы, чтобы засадить с ветерком. Да что там... ты делаешь всё, чтобы понравиться другому человеку. Красишь волосы, тренируешь тело, приобретаешь одежду известнейших брендов. Работаешь, чтобы у тебя были деньги, которые можно ли – нужно – спустить на шлюх. Ты в состоянии хвастать доходами с целью заполучить Самую Сексапильную Самку Мира. А женщины, способные выдавить из тебя "три заветных слова" во время сношения, становятся твоими жёнами. Ничего не меняется. Только методы получения желаемого.

Иррумация была широко распространенной половой практикой в Римской империи.

Зачем я это рассказываю? Одну секунду.

Не нужно падать в обморок с криками "o tempora, o mores". Катулл по-римски опередил отвращение истории стихотворением номер шестнадцать: "Ох и вставлю я вам и в рот и в анус, два развратника, Фурий и Аврелий".

Раньше проникновение в рот полового члена воспринималось как отличительный признак сокрушительной силы при взаимоотношении. Или как действие по осквернению.

Теперь же ты этим развлекаешься. Иррумация, или "глубокая глотка", представляется тебе надёжным инструментом в достижении нетривиальных ощущений. Сколько ты готов отдать за экстремальный минет? Сотню, две?

На мне шевелится разбитое тело Эмили. Наркоманка со стажем, отсидевшая три года за кражу автомобиля. Подбородок упирается в её каменную грудь. От нее пахнет йодом и пивом. Изредка Эми выдает нечто похожее на стон. Просто чтобы не уснуть. Или оживить меня. Её небрежно выбритая "область бикини" царапает мой лобок.

А я думаю о работе.

Эмили на мгновение открывает глаза, вяло улыбается и обхватывает мою шею, начиная двигаться ритмичнее, пока я разглядываю плесень на потолке исповедальни. Грибы прелюбодеяния. Испарения спермы, воды и слюны позволяют спорам размножаться.

А я думаю о Хилари и Аннет.

Наездница едва ли не полностью оклемалась и лижет моё ухо. Шепчет какие-то глупости, которые, наверное, должны раззадорить меня. Хватает волосы на моём затылке. Я скоро умру от потери крови, которая вот-вот брызнет из разодранного живота.

Эмили "Наждачная Бумага" Фримен.

Но такие мелочи никого не волнуют. Пройдёт неделя, и на моих коленях будет скакать Хэлен, или Джессика, или Кларисса.

Говорят, греческие мужчины принуждали к фелляции насильно.

Но почему-то называли это "египетским изнасилованием".

Выдохнув в самую барабанную перепонку, Эми отпрянула. Одному из нас повезло.

– Спасибо, ковбой.

Спрашиваю, не хочет ли она повторить.

– Не, мне нужно идти. Дела. Там... всякие.

Не сомневаюсь, у рецидивисток пастора Троя уйма дел, которые не подождут еще пару минут. Но не настаиваю. Кожа на лобке подверглась такой шлифовке, что надевать нижнее бельё поверх пяти мотков бинта ближайшие три-четыре дня я точно не стану.

Проповедь завершилась до нашего с Эмили появления. Пара мексиканских ребят, помощников доброго пастора, вытирает блевотину, оставленную благодарными прихожанами. Ещё двое поступательно тащат "синее" тело к абсолютно чёрному ходу. Видимо, у того появится новый дом.

Не подумайте, я знаком с Дэлом. Но даже те, кто общался с ним лично, не в состоянии рассказать что-либо внятное об этом парне.

Кто-то говорит, что он обыкновенный задрот, которому приписывается весьма сомнительная слава.

Кто-то рисует его портреты, носит футболки с надписью "Дэл No.1".

Иной раз можно увидеть граффити с его портретом на стенах полицейских участков и храмов.

Копы нашли Дэла и задали ему несколько вопросов. Каких? Они и сами пока не решили. Ведь поменялись ответы.

Но я вот что скажу: Дэл Симмонс – лучшее изобретение со времен появления секса.

1

Я называю её мамой. Старую, больную миссис Бальмонт. Она жила совершенно одна, пока не обратилась в нашу контору. Честно говоря, мы с Тимом и не предполагали, что "Семья напрокат" будет пользоваться таким успехом. Наёмные родственники – это чужие люди, которые по договору обязаны притворяться близкими. За это платят. И платят солидно.

Ведь всем нужны друзья – люди, которых в любой момент можно попросить об одолжении. Пожилые люди нуждаются в них особенно. Если у тебя сахарный диабет, два перенесён-

ных инфаркта и рак желудка, когда-нибудь тебе точно понадобится друг, поверь. Просто поговорить. Или проводить до туалета. Унитаз – опаснейший враг пенсионера. Старики чувствуют, что им необходимо справить нужду, резко встают с кресла, кушетки или дивана и направляются в уборную, где их поджидает сюрприз. Головокружение сбивает с ног, а ослабленный организм теряет равновесие, пытаясь напоследок пробить височной долей такой крепкий и белоснежный сливной бачок.

Если у бедолаги нет друзей, тело будет найдено слегка разложившимся. Через неделю или месяц. Вот зачем нужны социальные работники.

Вот зачем нужны друзья.

Вот зачем нужны наёмные родственники.

Чтобы на надгробии не сияла надпись: "Убита собственным толчком на закате сил". Или: "Пал храбрецом, вкручивая лампочку". Или: "Захлебнулся грибным пюре".

Миссис Бальмонт – приятная старушка. Практически ни на что не жалуется, своевременно оплачивает услуги. И не трогает мою задницу, пока я мою посуду или стрижу лужайку.

Я был приёмным сыном мистера Морелли. С этим старичком взаимоотношения складывались диковато. Диковинно. Точнее – вся суть идеи "Семьи напрокат" свелась к одной простейшей ролевой игре, в которой наниматель воссоздавал своё прошлое. Он позволял себе приставать к собственному сыну. Заглядывал в душевую, нюхал мои волосы. Думаю, если бы дошло до растления, мистер Морелли уже получал бы пособие, а на заднем стекле его Форда красовалась бы наклейка "инвалид за рулём". Он винил себя за то, что его сын стал педиком, который уехал в Вегас и участвовал в одном из гей-представлений закрытого подвала дешёвого паба или кантина.

Родители, если вы жалеете, что ваше чадо стало таким, каким стало, – вините в этом себя. Так поступает мистер Морелли.

Все ошибаются.

Дороти Бальмонт не придаётся угрызениям совести, большая часть её семьи, а именно – единственная дочь, зять и двое внуков, погибли в авиакатастрофе. Иногда я слышу, как она плачет у себя в спальне, пересматривая обгоревшие фотографии из Диснейленда, где маленькие Лили и Малкольм стоят в объятьях ростового Микки Мауса. Но это не чувство вины, а скорее принятие беспомощности.

И дело не в карме.

Я был братом одной женщины, страдавшей биполярным аффективным расстройством. Её сын погиб прямо в родильной. Как утверждают доблестные эскулапы, это и стало причиной заболевания. Элементарный синопсис. Сама по себе беременность способна развить аффективный психоз, но если вместо сына ты получаешь кусочек мяса, что хранился девять долгих месяцев в твоей собственной утробе, надеяться на здравый ум больше не стоит.

Маниакальная фаза. Хилари желала заняться сексом. Я объяснял ей, что в какой-то степени это будет являться инцестом.

– Насрать, засади мне и не ной.

Говорю ей, чтобы она хорошо подумала.

– Заткнись и снимай штаны! Я – твоя мать!

Конечно же, технически это не было инцестом, но всё дело в психологии поступка, не так ли? Мы два месяца провели, точно брат с сестрой: ходили в кино, по ночам разговаривали о звездах, о том, какой матерью могла стать Хилари. А потом она хотела, чтобы я поимел её. Одна из интерпретаций родственной любви. Безусловной.

Депрессивная фаза. Хилари могла сутками лежать, не поворачиваясь и не произнося ни слова. Всё, что я готовил для неё, стояло на прикроватной тумбе. А потом я просто менял блюда. За очень короткий период времени "сестрёнка" могла сбросить порядка десяти килограмм. Притом, что её нормальный вес – сорок пять.

Карма в действии.

Родственная чехарда имеет свои прелести. Ты никогда не чувствуешь себя одиноким. Нет этой боли, сдавленной в желудке расставанием. Нет близкого человека – нет страданий.

Ну а я – прокатный сын Дороти. А также временный гражданский муж Аннет. Она обратилась за помощью около месяца назад. Ей двадцать семь, родители настаивают на свадьбе и хотят, чтобы их дочь наконец-то остепенилась, обзавелась полноценной семьёй, родила внуков.

Несчастные недоумки.

Моя роль – навещать Аннет три раза в неделю, чтобы я мог поговорить с виртуальной тёщей по телефону. Мы прикидываемся счастливой парой, рассказываем, как сходили в театр на премьеру "Серано Д'Бержерак". Какую мы купили посуду. И как нам уже не терпится поужинать с ними.

Но только на линии слышатся короткие гудки, я получаю установленную контрактом сумму денег и отправляюсь к своей фальшивой матери. Хотя порой мы идём прогуляться, за это я денег с Аннет не беру. То есть Я-настоящий и Аннет-не-моя-жена. Обычные люди, которым не нужно врать хотя бы один час в неделю.

– Как там поживает миссис Бальмонт?

Наверное, хорошо, говорю. Иногда плачет. Почти целый день сидят возле дома с подружками, обсуждают парики и престарелых мужчин, которых они не прочь "уложить". Аннет улыбается и спрашивает:

– А что в этот момент делаешь ты?

Смотрю телевизор, вытираю пыль, сортирую бельё. Всё, чем занимаются настоящие сыновья. Порой она напоминает, что я должен просить у неё денег, как подросток. При этом извиняется и говорит, что я вовсе не обязан исполнять все её прихоти. Но я никогда не отказываю. Знаешь, она самая одинокая из всех, с кем мне приходилось работать.

– Почему ты так думаешь? А Хилари? А мистер Морелли?

Нет, говорю, это не то. Дороти никогда не жалуется. Я не знаю, что творится в её голове. Не могу понять. Но, думаю, ей очень тяжело.

Мы с Аннет уже подошли к двери её дома:

– Знаешь, настоящие сыновья занимаются не тем, о чём ты говорил.

Да, они спускают все свои деньги на сигареты, пиво и жвачку. Или просаживают в слот-барах.

Карма за углом.

В доме миссис Бальмонт тихо. Скорее всего, она уже спит. Я почти не ночую в своей квартире, потому что маме нужна помощь с утра. Не быть тем, кем ты являешься на самом деле – очень удобно. Такая позиция не оставляет даже малейшей возможности допустить настоящему крупную ошибку. Фиктивная семья – фиктивные проблемы. Люди, которым ты помогаешь, не спрашивают о твоём прошлом, так как предполагается, что они тебя растили и воспитывали. Значит, должны всё знать.

Но бывают дни, когда тебе хочется отпустить их.

Это я обоссал ваш дворик, мисс Палмер, а не сын Дороти.

Это я трахаю Хилари, а не её брат Джозеф.

Вы принимаете меня не за того. Что ещё хуже – не остается виновных. Но хуже для вас.

Когда я постелил себе на диване в гостиной, заиграл мобильник. Сообщение от Тима – моего компаньона.

"Завтра в десять с тобой хочет встретиться один парень, его зовут Дэл. Что-то по поводу ухода за его сестрой. Пойдёшь?"

Да.

Я пойду куда угодно, лишь бы не думать о *настоящем*.

2

Люди – это информация. Общаясь с каждым из них, узнаёшь что-то новое. То, чем ты ни за что бы не стал интересоваться, сидя, скажем, в кофейне.

Как-то раз я был отцом девушки, оставшейся одной после трагедии на круизном лайнере "Лонгфелло". Так иногда случается: кто-нибудь пронесит на борт автомат и три гранаты. Также некто, потеряв все свои деньги, развлекаясь игрой на валютных рынках и не имея представления о дугах Фибоначчи, может воспользоваться всем своим арсеналом. Просто от безысходности.

Но это назовут бунтом. Попыткой расправиться с системой.

Актом спасения общества. Террористической угрозой.

"Фелло" переводится с греческого как "сосу". "Лонг" с английского – "длинный".

Бесконечный отсос, если угодно.

Тогда погибло сорок три человека. В том числе и родители Мадлен Форман.

Карма порой отплясывает пасадобль.

По рассказам моей временной дочери, её мама и папа вообще не должны были отправляться в этот круиз. Но вселенная любит дарить подарки. Радиостанции звонят людям, отправившим смс-сообщения по короткому номеру, и радужно декларируют: "Поздравляем, вы стали победителем ежегодной акции, проводимой компанией "Карл и Клара"! В качестве приза вам достается недельное путешествие на круизном лайнере "Лонгфелло" по Атлантическому океану". Победило случайное смс-сообщение. Совершенно случайные люди. Внезапно компания, в которой работал генетический отец Мадлен, взялась за сокращение штата. Глава семьи оказался свободным человеком, которому ничто не мешало отправиться в бесплатный отпуск. И уже на борту его супруга почувствовала недомогание, связанное с беременностью.

Презервативы выручают лишь в девяноста семи процентах случаев.

Она отправилась подышать свежим воздухом на палубу. Тогда-то Дэйв Ричардс – человек, спустивший последние деньги на этот круиз, начал обстрел. Как будто враждебная среда виновата в его глупости. Мистер Форман решил поинтересоваться самочувствием жены, которая отсутствовала в каюте уже пятнадцать минут. Выйди он на палубу минутой позже, граната не разорвала бы ему ногу. А Мадлен не стала бы сиротой.

Если бы какое-либо событие, предшествовавшее трагедии на лайнере "Лонгфелло", произошло с опозданием хотя бы на минуту, Мадлен была бы счастлива. Надёжные презервативы, или смс-сообщение, или удача на валютном рынке, или настоящий отец остался бы на своей прежней работе. Но всё прошедшее неизбежно. И ты постарайся оспорить это. Давай.

Допустим, ты можешь предотвратить нечто ужасное. Станешь ли ты это делать, будучи неуверенными в том, что это не приведёт к чему-то более страшному? Самообман провоцирует тебя. Иницирует недопонимания, потоки рефлексии и компромиссы. Необратимость поступков вынуждает тебя принять как факт неизбежность всех событий, что произойдут. Они обязательно произойдут, заставив тебя жалеть о чём-то. Ты возьмёшь океаны слов назад, попытаешься заслужить прощения. Придумаешь тысячи оправданий и миллиарды причин тому, что сделаешь. Найдёшь все слабые места в своём теле и станешь давить туда, пока кто-нибудь тебя не остановит. С приближением катастрофы хаос станет упорядоченным, флуктуация обнаружит себя "как раз к месту", и тогда система выйдет на новый уровень самоорганизации, но части её вновь распадутся по направлениям, будто имитируя неминуемый беспорядок в более гротескной и зависимой форме.

Иди нахуй, Гейзенберг. И ты, Эверетт. Мы обязательно найдём все электроны на своих местах.

Так я стал отцом Мадлен Форман. Вот откуда я знаю, что Дэл явился на встречу одетым в соответствии с последней коллекцией Томми Хилфигера. Широкие очки в стиле восьмиде-

сятых "Casal". Футболка с треугольным воротником, вытертые капри и кеды "Глоуб". Информация, полученная от моей поддельной дочери. Совместный шоппинг – неотъемлемый пункт договора.

Так иногда случается: люди нравятся вам с первого взгляда.

Он протянул мне руку.

– Меня зовут Дэл Симмонс. Как зовут тебя – мне насрать.

Я ответил на рукопожатие.

– Руку жмешь, как девчонка.

Только хотел спросить, правильно ли я его понял, как тот продолжил:

– Да-да, знаю, ты, наверное, не позавтракал, судя по тому, как у тебя разит изо рта. Вот и руку жмешь, словно при смерти. Пойдём, перекусим, и я тебе расскажу, что к чему.

Так бывает довольно часто: человек перестаёт нравиться, стоит ему открыть рот. В нашем случае – это обоюдно. Мы сели за столик в кафе "Онтарио". Вокруг – никого. Утро четверга – не самое прибыльное время для подобных заведений. Пока Дэл разглядывал меню, я обратил внимание на его татуировку на шее. Не могу сказать, что понял это изображение. Что-то похожее на смесь китайского иероглифа, змеи, обвившей чью-то руку и колючей проволоки.

– Не напрягайся, всё равно не поймешь, – Дэл удивлял, не отрываясь от меню.

Видимо, я очень внимательно и вдумчиво пялился.

– Это – "ничего".

Я сказал, что не понял.

– Вот почему нельзя пропускать завтрак. Ни руку пожать, ни подумать. Смотри...

Дэл взял салфетку, сложил её пополам. Разорвал. Затем схватил солонку и обильно посыпал клочья белыми кристаллами. Основательно прочистил носоглотку и харкнул на них. А завершил он свой непонятный ритуал тем, что хорошенько потоптался по некогда чистой салфетке.

– Что ты видишь?

Мне нужно дать этому название?

– Это и есть "ничего". Когда-то у нас была салфетка. Отдельно от всего. Сопли. Грязь на подошве и соль. Теперь же мы всё перемешали и получили форму, не имеющую смысла. Смотри на мою шею. На одном и том же участке кожи набиты несколько изображений. Богомол, туз, роза, скорпион.

Эм...

– Не ищи логики. Когда разглядывал в первый раз, что увидел?

Говорю, что мне померещились змея, проволока и какой-то иероглиф.

Дэл ухмыльнулся.

– А теперь ешь свои вафли и думай, почему тебе показалось то, что показалось. И почему то, что существует само по себе, в комбинации становится ничем. Как только доберёшься до кофе, мы приступим к обсуждению контракта и твоих обязанностей. Ты мне нравишься. Или нет. Или заткнись и жуй свои вафли.

Вот такой человек этот Дэл Симмонс. Мы знакомы не больше часа, а я уже увяз в его философии. И оскорблениях. Но складывается впечатление, что мы понимаем друг друга.

Я есть нечто сущее.

Мои родители. Всех нас объединяла семья. Но если мы находим потаённый смысл в её создании, почему со временем она исчезает? Ты умираешь, умирают и дети. Бракоразводный процесс – инструмент, который возводит институт семьи на пьедестал. А может, смысл в чём-то бессмертном?

Но нет ничего, что бы не исчезало.

Став комбинацией, наша семья в итоге превратилась в "ничто". Здесь я согласен с Дэлом.

Нет ничего более нужного, чем что-либо временное. Сиюминутные родственники.
Если ты скрепил союз, сыграв свадьбу, знай – ничего не изменилось. Ты по-прежнему одинок. Только платишь за коммунальные услуги пятьдесят на пятьдесят. У тебя есть ребенок, который через несколько лет в угоду сверстникам будет говорить, что ненавидит своих родителей, обручальное кольцо – три грамма драгоценного металла низкой пробы.
Штамп в паспорте – чернильное пятно.
Клятва? Набор слов. Ты каждый день обещаешь себе бросить курить, но не бросаешь. Очнувшись не самым прекрасным утром, ты даёшь себе слово, что больше не будешь пить.
Но проходит головная боль, и ты уже открываешь новую тару.
Семья – наркотик, на который нас посадили, чтобы оправдать занятия сексом.
Мы – семьеголики. Поколение людей, стыдящихся своего одиночества.
А я хочу трахать этих Эмили в исповедальнях.
– Эй, очнись, ты уже пальцем свой кофе мешаешь.
Говорю, что задумался. Почему бы нам не приступить?
– Поехали. Но сначала я расскажу о своей сестре. Тебе не придётся корчить из себя родственника. Будешь любовником. Всё не так просто, парень.

3

Впервые с момента нашей встречи у Дэла изменилось выражение лица. Пропал надменный оскал. Безучастность сменилась неприкрытым желанием быть услышанным.
Я спросил у него, есть ли справка, подтверждающая отсутствие венерических заболеваний у его сестры.
В ответ же крепко получил по щеке.
– Ещё хоть один такой вопрос, и твоим любовником стану я, парень. Думай, что говоришь.
Думать, что говорю. А ты, спрашиваю, когда проявляешь явное неуважение ко мне, думаешь, что тебе сказать?
– Кажется, я сообщил, что мне насрать, как тебя зовут. Что у тебя хилое рукопожатие. Да, так здороваются девчонки. У тебя разило изо рта. В тех местах, откуда приходят ребята вроде меня, это называют "правдой", кретин.
И вновь – шах и мат.
Эндшпиль.
Я снова вынужден с ним согласиться. Всё, что воспринимается нами как агрессия или же элементарное неуважение, на поверку оказывается правдой. Той самой информацией, которую мы не хотим слышать.
Я – концентрированное недоверие.
Факты кажутся оскорблениями, ведь ты тщательно скрываешь то, что может тебя изобличить. Правда в силах развеять любой, даже самый крутой образ. Такая мелочь, как констатация зловонного дыхания, например. Мне страшно вспоминать Оскара Де Ла Хойю в чулках. Золотой, блядь, мальчик в коксе и женских шмотках.
Что ты чувствуешь, когда говоришь правду?
И сколько причин, чтобы солгать?
Гитлер утверждал, будто в средние века евреи занимались ритуальными убийствами христианских детей и использовали их кровь для приготовления хлеба, который едят на Пасху.
Греки соорудили огромного деревянного коня, заверив троянцев в том, что это подарок. Чем дело закончилось, мы знаем.
История учит тебя быть осмотрительным.
– Видимо, ты со мной согласен.
Очевидно.

– Ладно, слушай. Мою сестру зовут Каталина. Ей двадцать шесть и она находится на лечении в психиатрической клинике на Лоуэлл-Роуд. Она там лет семь уже прохлаждается.

Я спрашиваю, как Каталина туда попала?

– Пожар. Наши родители сгорели заживо. В рождественскую ночь вспыхнула одна из гирлянд, пока мать с отцом спали. В тот момент мы находились у бабушки. Ну, ты знаешь, родители частенько просят детей, чтобы те провели ночь вне дома. Маме с папой надо поговорить. Потрахаться. Поговорить и потрахаться. Иногда – с друзьями. Это называется свингерство. В пять утра бабушке позвонили копы, сказали, что нам надо срочно явиться домой. Как можно скорее. Зачем? Чтобы мы поглазели на барбекю из собственных родителей? Или подтвердить их смерть? На кой хер тогда нужны доктора?

Мне вспомнилась Мадлен.

Я подумал о Дороти.

– С тех пор Каталина молчит. Мы закончили дело, начатое пожаром. Кремация. Обе урны сейчас стоят в её палате, в пластиковом инкубаторе. Она может сутками просто смотреть на эти урны. Сколько бы врачи ни пытались до неё достучаться – бесполезно. Мне несколько раз предлагали забрать сестру домой и надеяться, что когда-нибудь она заговорит. Семь лет. Ничего не меняется.

И что требуется от меня, спрашиваю.

– Завтра я привезу Каталину домой. Тебе нужно будет проводить с ней каждые выходные. Но ты будешь не просто другом, как я уже говорил, а любовником. Расшевели её. Ты хоть и мягкий тип, но, думаю, член у тебя работает. Покрепче руки.

То есть, спрашиваю, предлагаешь мне сделать то, чего не смогли сделать профессионалы?

– Я предлагаю тебе работу. А в отношении Каталины считай, что ты... не знаю... таблетка. Препарат, который стоит испробовать. Другие медикаменты не помогают. Главное, чтобы у тебя не было серьезных побочных эффектов, приятель.

Как я себе представляю секс с сестрой Дэла? Я и сам не знаю. Возможно, это будет по-другому. Не так, как со шлюхами в исповедальне, где откровением является крепкий оргазм. И плесень на потолке.

Но мне отчаянно хочется взяться за это дело. Разве идеальная женщина – это не та, которая не говорит? Я хочу сказать, все беды – не из-за того ли, что индивид N сказал что-то господину M – скорее всего, правду – а тот обиделся и решил отомстить? Тебя могут порезать, "вооруженно ограбить", обоссать дверь твоего дома. Но слова могут и убить.

Любая правда – ранение в сердце.

И слова ссут не на дверь, и даже не на новые туфли, а прямо в голову.

Ты ведь помнишь каждое оскорбление в свой адрес, ложишься спать и представляешь, как даёшь сдачи обидчику. Вновь и вновь моделируешь ситуацию, где плохие парни будут непременно наказаны за грубость и неуважение.

Секс с Каталиной – это секс с отчаянием, просто очередной кирпичик, который вывалится из стены, как только эфемерные родственные связи перейдут в фазу отягощающей рутины.

Секс с Эмили – секс с безразличием. Она не имеет надо мной власти. Одноразовая знакомая.

Воспоминания – худший из побочных эффектов. От него не избавиться и его нельзя предотвратить. У каждого человека должен быть в кармане рецепт, в котором будет указано "возможно, не забудете никогда". Или "исчезнет из воспоминаний через три недели". Но нет. Ты выбираешь тех, кто сделает тебя несчастным. Больше клонет, а значит, навечно останется в памяти.

Я спрашиваю Дэла, во сколько мне прийти?

– В двенадцать. Я вас познакомлю, а сам отправлюсь по делам.
Я сказал, что не опоздаю.

Мы вышли из-за стола, оплатив завтрак. Дэл сказал официантке, что у омлета дермовый привкус. Но за красивые глаза и высокую упругую грудь оставил на чай двадцатку.

– Не хотите у меня отсосать?

Девушка лишь смущенно улыбнулась и сказала, что у неё есть парень. Политика заведения: улыбаться, даже ели тебя насилуют.

– И? Это не значит, что ваш рот не принадлежит всему миру.

Затем он бросил официантке визитку и ушёл не попрощавшись. Я попросил показать, что он оставил.

"Дэл Симмонс. Изготовление сувениров. Ручная работа".

4

Иисус предложил нам строить отношения на любви, не прибегая к насилию. Его послушали и распяли, заставили тащить в гору собственный эшафот, предварительно отвесив несметное количество плетей. Закончив свой славный путь на вершине Голгофы, наш "мистер Creatio ex Nihilo", сам того не зная, опроверг всю теорию кармы.

Сеял любовь. Умер в страшных муках.

Карма становится невозможной.

Если принимать всё сказанное ранее за абсолютную истину, то и бог не имеет смысла.

Посылать своего сына туда, где он в любом из постижимых случаев будет обречён на страдания, дабы подать пример обезьянам типа мистера Морелли – восхитительно глупая затея, даже для неоднозначного персонажа. Напрасные жертвы никому не нужны.

А мне нужно двадцать минут. Очередной пятничный половой акт будет экзотичнее всех предыдущих. Мария, затылок которой я разглядываю в данный момент, приняла оксидбутират натрия и теперь постоянно твердит мне: "Приручи суку". Мышцы на её спине кажутся высеченными из дерева.

Во времена Александра Македонского греки любили белокурые волосы так же, как и мы сейчас. Мужчины и женщины отбеливали волосы различными водными и травяными настоями. Наносили на волосы лимонный сок и втирали в них пепел, затем терпеливо сидели под палящим средиземноморским солнцем, чтобы обрести вожаемое сходство с единственной блондинкой греческого пантеона – Афродитой.

Бутират стимулирует выброс гормона роста. Ещё в восьмидесятых он продавался без рецепта, и приобретали его в основном культуристы из-за способности вещества уменьшать количество жира и подспудно наращивать мышечную массу. И, конечно же, побочный эффект в виде эйфории не остался незамеченным.

Я вытащил ремень и обвил им шею моей новоиспеченной партнёрши. Сегодня повезёт мне.

Приручи суку.

Взвизги Марии перемешиваются со словами пастора Троя: "Если подуешь на искру, она разгорится, а если плюнешь на неё – угаснет: то и другое выходит из уст твоих".

Из уст потаскухи, стоящей предо мной на четвереньках, выходит всё та же словесная комбинация. Не суждено ей разжечь пламя или же убить его при рождении. Ни создать, ни разрушить. Беспомощная совокупность аминокислот.

Венецианки наносили на волосы кислое молоко и, пропустив их через отверстия специальной шляпы, подставляли лучам знакомой звезды.

Я представляю, как выглядит Каталина, проецируя её образ на внешность Дэла. Темные локоны, острые скулы. Слегка вздернутый нос, длинные ресницы, заостренные и приподнятые уголки глаз.

Скорее всего, она очень и очень худая. Ее брат упоминал об отсутствии аппетита. Судя по тому, что случилось с их родителями, что-либо жареное Каталина есть не станет. Думаю, её за это никто не осудит.

Я не знаю, чем руководствуется Дэл, нанимая меня в качестве любовника его родной сестры. Даже если она заговорит, ничего не изменится. Задумка остается непонятой. Бессмысленной.

Александр Грэхем Белл, изобретатель телефона, ни разу не позвонил своим маме и жене: они обе были глухими. Вспомнилось.

С другой стороны, карма – причинно-следственный закон. Может быть, смерть Иисуса – наказание за исключительность? Нельзя быть абсолютно "чистым" и оставаться при этом живым. Система не терпит сбоев. Тогда всё мистическое начало истории о непорочно зачатом мальчике терпит крах.

Приручи суку.

Голос Марии кажется могильным, неживым. Словно, присунув ей, я нажал какую-то кнопку, запустившую повторение неуместной фразы. Я трахаю тело. Не девушку и не человека. Просто туловище.

Я чувствую отвращение. Мне хочется как-то наказать себя. Каждый раз, когда я даю в рот какой-нибудь джанки. Или усаживаю на член очередную армиду. Я знаю, что молния не поразит меня с незримых высот, воздав тем самым за все греховные деяния. Более того: нет никакого бога. Некому сводить со мной счёты, нет такого существа, которому я жаловался бы перед сном, утирая скупую слезу раскаяния. Мне не за что просить прощения, я не нуждаюсь в помощи.

Пастор не унимается: "Нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем".

Я спрашиваю Марию, чего она хочет?

– Приручи суку.

Затягиваю ремень покрепче.

– Приручи... – хрип превратился в писк.

И вот она, секунда, ради которой ты и приходишь в эту церковь. Слушаешь доброго пастора, пыхтишь и напрягаешься. Мы работаем и рискуем ради одного – пятисекундного счастья.

Уже минут десять я сижу в исповедальне и разглядываю плесень. Серое полотно, закрывшее обрывок потолка, напоминает обо всех моих партнёрах. Каждый серый комочек – свидетель свального греха и сексуального плюрализма – стал страницей в дневнике моих походов. Чем дольше я всматриваюсь, тем явственнее проступают имена всех жриц, что прелюбодействовали вместе со мной.

В церкви воцарилась тишина. Джанки разбредаются по своим убежищам. У них впереди тяжёлая неделя. Семь дней в ожидании пасторской благодетели.

– Давай уже выходи, самец. Жду тебя на улице.

Признаюсь, я немного испугался. Но голос показался знакомым. Дэл.

Откуда он знает, где меня искать? Что он вообще здесь делает? Я в спешке застёгиваю ширинку, платком вытираю пот со лба и, перешагивая через Марию, направляюсь к выходу.

– Всю проповедь я слушал, как тебя просят приручить какую-то суку. А ты, тихоня, когда кончал, просто скулил. Ни тебе диких криков, ни непристойных междометий. Это хорошо.

Я не эксгибиционист, говорю. Спрашиваю, зачем он здесь?

– Скажем так, я отработал все заказы и хочу прогуляться.

– Эпоксидные лаки – это растворы эпоксидных смол в органических растворителях. В бытовых условиях эпоксидные лаки нередко используются для приготовления шпатлевок, склеивания и изготовления сувениров.

Внутри жильё Дэла похоже на магазин подарков для слепых.

– Диэпоксидбутан, подобно многим другим эпоксидным соединениям, может вызывать ожоги кожи с образованием пузырей, раздражение глаз и дыхательной системы.

Я спросил, зачем мне это знать?

– Контакт с кожей мезоформ диэпоксидбутана приводит к образованию опухолей у мышей, в том числе чешуйчатой карциномы. Ты ведь не грызун?

Нет, говорю.

– Тогда сделай одолжение: перестань задавать глупые вопросы.

Меня не покидает ощущение скованности. Я хочу сказать, в доме столько напомаженного дерьма, что боишься сделать шаг. Им заставлены все полки, несколько безделушек лежит за диваном, пара – на широком подоконнике.

В замках главный зал являлся многофункциональным помещением – суд и трапезы происходили в нём, там же давались представления с музыкой и танцами, акробатами и жонглерами. Общие столы были разборными, а на ночь зал превращался в место для сна. В ранних замках господская семья спала в дальнем конце зала, за возвышением. Это место было отгорожено перегородкой или даже занавесом. В поздние времена к главному залу были добавлены палаты, использовавшиеся в качестве спальни.

Маленькие прихожие современных домов – это всё, что осталось от огромных залов средневековых замков и поместий. Палаты стали будуарами, обставленными миниатюрной мебелью Джиотто или Метрополь. Пространство сжимается, унифицируется, подгоняется под стандарты. "Икея" консолидирует отправки целыми городами, и не разберёшь, где ты проснулся: Огайо, Штутгарт, Осло или Милан. Ахроматическая палитра, дешёвые и аккуратные формы, однообразные спальни с такими же женщинами, выкрашенными во все типовые каталоги, одетыми в торговых центрах тяжести и накормленными "Цезарем". Их фотографии – это копии, а паспорта – копии копий. Им нравятся доступные страны, пирсы, имена на песках, фуршеты. И пока кожа бледнеет, они с каким-то агоническим восторгом разносят информацию о перелётах, точно пилигримы – сифилис. Они это делают. Встают в один ряд и хором запевают песню о себе, полагая, что все только и ждут подобных мемуаров: монотонных вокализмов об одном и том же.

Не от того ли мельчает совесть, что стены начинают сдвигаться?

Что ты скажешь, когда тебя случайно раздавит, пока ты переодеваешься в своём микроскопическом гардеробе? Ничего. Ничего ты уже не скажешь.

– При подкожном и внутрибрюшном введении изомеры вызывали местные саркомы у мышей и крыс.

Крошечные ванны пришли на смену греческим термам. Малюсенькие сауны вытеснили римские бани, выполненные из мрамора и украшенные мозаикой. Развалины тесных качалок, смердящие ногами и гнилью немых атлетов, тренажерные залы, фитнес-центры пришли на смену палестрам – гимнастическим школам, где юноши могли заниматься бегом и борьбой, метанием копья и диска, плаванием и гимнастическими упражнениями. Я чувствую, как уменьшаюсь. В кармане Пантагрюэля всё просторнее.

Прогресс не оставляет тебе выбора.

Крысы и мыши на игле минимизации личного пространства. Карциномы модных каталогов голландской мебели. Саркомы рекламных роликов, взывающих к ничтожеству.

– Следуй за белым кроликом.

Это Дэл так пригласил меня подняться на второй этаж. Он подвёл меня к одной из дверей.

– Сейчас я покажу комнату Каталины, а ты скажешь, как тебе.

Дэл повернул ручку, и меня окутала прохладная полутьма. Щелчок выключателя. В глаза бросилась знаменитая "усиленная перспектива" Палладио, воссозданная самим "художником" Дэлом Симмонсом.

Я вошёл в крохотный "Олимпико".

Викторианские красные и лиловые тона, плавно переходящие в пастельные оттенки голубого и розового а-ля рококо; смысловое ощущение единства спальни, окно – барочный шедевр. Темная сторона Дэла. Тяга к прекрасному, контрастирующая с напускной циничностью. Всё его красноречие уложено в несколько квадратных метров.

Дэл любит свою сестру.

Он хочет, чтобы я знал об этом. Я тоже люблю свою "сестру" Хилари, контракт обязывает. Но в чём разница? Если любовь заключается в действиях, тогда кровное родство – всего лишь незначительный пункт в списке общего между двумя людьми. Я люблю миссис Бальмонт, потому что выношу её мусор, готовлю для неё ужины и смотрю с ней телевизор. Дэл превращает спальню сестры в произведение искусства, а я интересуюсь в деканате успеваемостью Мадлен Форман, как самый настоящий отец.

Семья – результат дикой пьянки, которую называют свадьбой.

Все эти слова, данные богу во время венчания – сомнительный моцион. Обещать какому-то парню, который, с позволения сказать, чуть популярнее Санты, что ты будешь хранить верность и поддерживать свою вторую половинку в болезни и здравии – блажь, какой сектанты потчуют доверчивых домохозяек.

Господь – величина непостоянная, замените его на что угодно – смысл останется прежним. Ни одна клятва не в силах противостоять потребности человека в удовлетворении. Если нужно будет переступить через мужа, ты это сделаешь. Непреодолимый соблазн поджидает за углом и потирает руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.